

Май-72

ИМПЕРАТОРСКИЙ КЛУБ СЕВЕРНЫЙ ОГОНЕК

Г. ВАСИЛЬЕВ.

Отцветает юность моя,
Навсегда не спеша отцветает.
Не звенеть озорным соловьям
По раскрытому доброму маю.
Потеряю размах широты
В буйной завязи время крутого.
Только будет вливаться в мечты
Улетевшее трепетным словом.
Повзрослеет шальная листва
В жарких лапах ядреного солнца.
Меньше станет во мне естества,
Больше — мужества и отцовства.
Позабудется, может, село,
А вырос и стал деревенским.
Откровенно меня повело
На задумчивость, на степенство.
Поселилась июньская грусть,
На моем голубеющем небе.
Что-то память твердит наизусть
О разливах растущего хлеба.
Обрывается юность моя.
Жизнь другими звенит голосами.
Сослуживцы серьезно меня
Полным именем называют.

Синие покосные печали,
За звездой проклонется звезда.
Тихое высокое звучание
Повторит колечками узда.
На реке молочными стогами
Раскурился жиденский туман.
У реки собаки отругались,
И заснула тишина сама.

Над селом возглавила правление
Голубой наездницею ночь.
И, седлом сгибаясь в умиление,
Месяц ей старается помочь.
Сонная-трава росой обмыта,
В лужах успокоились дожди.
Колени, выглядывая сыто,
Ожидают ведреной зари.

Стерлась граница суток,
Небо забыло тень.
Белая ночь Сургута
Светлая, словно день.
Спи, беспокойный ветер,
Холодом в нос не дуй.
Пусть в добродушном свете
Нышно цветет июнь.
Нам, северянам, надо
К сердцу его тепло.
Эта земли награда
Лучше высоких слов.
Радостью цвет черемух
В наши идет дела.
Даже не верим в дрему,
Будто не здесь жила.
Где громоздим мы зданья —
Пять этажей на высь,
Где говорит сознание:
Мы создаем жизнь.
Недрам земли сургутской
Мы распахнули день.
Не потому ли у суток
Напрочь исчезла темь?

Н. Заболотнева Рассказ РУКАВИЦЫ

ОТКРЫВ дверь балка, Наталья остолбенела: за их невзрачным кухонным столиком сидел незнакомый парень с узкими, косо поставленными глазами и невозмутимо посасывал трубку.

— Здравствуйте, — нерешительно поприветствовала парня Наталья, разглядывая его диковинную одежду: расшитые разноцветными жилками и лоскутками кожи меховые сапоги, кухлянку с затейливым орнаментом по низу.

— Здравствуй, — дружелюбно отозвался парень. — Моя звать Володька. Твоя мужик сюда привез — пурга, однако, застала. Домой попасть не мог.

Успокоенная Наталья вспомнила, что и в самом деле третий день бушевала пурга, и Василий, видимо, привез этого парня с трассы. Она разожгла плиту, наладила варить ужин, а гость, не меняя позы, все так же посасывал трубочку. Наталья украдкой рассматривала парня, удивляясь его голубым (на редкость!) глазам и светлым волосам: по словам мужа, ханты были черноволосые и темноглазые. Гость откинул капюшон кухлянки, и из него беззащитно торчала тонкая, как у гусенка, шея.

— А Вася где? — продолжила Наталья «разговор».

— Вася работать кончать пошел. Придет, однако, скоро.

— Ужинать сейчас будем. Правда, не знаю, что у вас едят, у меня еда, наверное, не такая.

Володька улыбнулся, обнажив неровные желтоватые зубы:

— Наверно, слышала — ханты рыбу сырую едят.

Вкусно! Наша семья большая: мать, отец, пять братишка, четыре сестренка. Мать русскую лапшу варит. Ничего. И хлеб едим.

Наталья поежилась, представив, как бы она ела сырую рыбу, но тут же одернула себя: «Ничего особенного. К чему привыкнешь...»

Она налила миску наваристого супа, нарезала белого ноздреватого хлеба и ласково пригласила гостя к столу:

— Садись, Володя, кушать, за день, наверное, промерз.

Тот не спеша стянул через голову кухлянку, разулся и сел на краешек стула. Вдруг дверь рывком открылась, впуская клубы морозного дыма и тяжелую фигуру Василия.

— Что, без меня ужинать собрался? Хорошего гостя я тебе, Наталья, привез, не заскучаешь, парень веселый, — шутливо загудел Василий.

Он разделся, умылся, сел за стол.

— Погоди, парень, мы с тобой сейчас по-мужски чего-нибудь покрепче выпьем. Твое здоровье, Володька. Больше рыбы лови Сургуту да белок добывай.

— А как же, конечно. Моя ударник. Награда есть, — распахнул Володька пиджак: на пестрой рубахе — медаль «За трудовое отличие».

— Молодец, — похвалил Василий. — А что, Володька, махнем мы с тобой сейчас в «Рубин»? Любишь кино смотреть?

— Ой как люблю, — засмеялся гость. — У нас телевизор пока нету, кино-театр тоже нету.

— Ну вот и сходите, — сказала Наталья. — А мне завтра вставать рано, не

пойду. Давай Володю переоденем, чтобы он не выделялся в кухлянке.

И потом, уже глянув на собравшихся мужчин, ахнула:

— Вот так-так, а руки-то совсем голые! У тебя что же, Володя, совсем нет рукавиц, или где потерял их?

— Да нет, — ответил за гостя Василий, — они их наглухо к кухлянке пришивают.

Наталья протянула Володьке мужнины рукавицы:

— Надень, а то руки застынут.

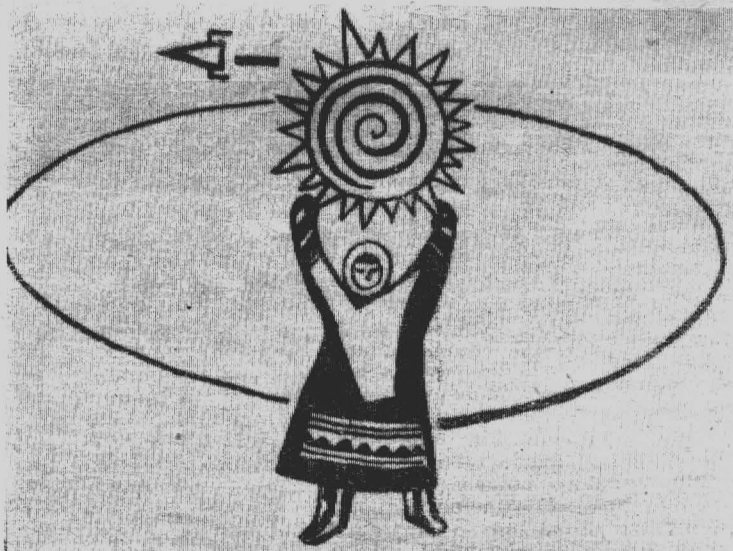
Она заснула рано и сквозь сон смутно слышала, как они вернулись из кино, попили чай, стараясь не шуметь. Проснувшись среди ночи, она прислушалась к ровному дыханию Володьки и, проникаясь к нему какой-то материнской симпатией, подумала: «Соберу завтра гостинцев. Платок с цветками его матери отдам. Надо же, в самой тайге живет и такая орава ребятишек. А держится Володька просто, будто век нас знает. И работяга, сразу видно. Вон какие мозоли на руках. Зазря медали не дают».

Заснула она под утро, а когда встала, то ни мужа, ни гостя уже не было. А на стуле, где вчера сидел ханты, она увидела желтые рукавицы. Сверху белела записка: «Наталья, я повел Володьку. Может, проблем-ся. Я все равно вахту на Солжико везу. Подвезу, а там близко, дойдет. Рукавицы он отрезал от рукавов. Отговаривал — не слушает. Хорошая, говорит, Наталья, ласково принимала. Рукавицы в благодарность тебе, в знак дружбы, значит. Я ему взамен свои дал».

Наталья провела по жесткому ворсу рукавиц, потом надела, и ей на миг показалось, что хранят они тепло натруженных рук Володьки. «Вот чудак, надо же, подарок преподнес», — и она растроганно улыбнулась.

АНДРЕЙ ТАРХАНОВ

Имя мансийского поэта Андрея Тарханова хорошо знакомо постоянным читателям литературной страницы: «Северный огонек» довольно часто публикует его стихи. Сегодня вниманию читателей предлагаются новые стихи Андрея Тарханова, присланные специально для нашей газеты.

Памяти космонавтов Добровольского, Волкова, Пацаева.
Трубят над милым краем трубачи,
Перо у них приложено к перу.
Я пью в тайге студеные ключи,
Я силы для полета наберу.
Я улечу в объятья бурь и звезд.
И, сбив крылом последнюю беду,
Я, поседевший от жестоких гроз,
На землю с гордой песней упаду.

О, звериная чуткость и зоркость моя!
Через эти леса и завалы веков
Вижу я, как погоню,
Год ножа и костров.
Я тушу свой костер: страх сильнее огня.
Сотни бубнов рыдают в долине лесной,
Орды гуннов охотятся нынче за мной.
Мне бы щучкой проворной в протоку уйти,
Но не хочет того мой безжалостный сон.
Буду, видно, раздавлен храпящим конем.
Вдруг, как молния, мысль озарила меня:

«Я же родич пришельцам: когда-то давно
Были с гуннами предки мои заодно».
— Пася олэн! — кричу я навстречу орде,
Будто гром загремел над долиной: «На Рим
Мы сегодня с тобою поход повторим!»
Всюду злобные лица и пьяный оскал.
Браги полную чашу неловко беру,
Я о клятве о мирной забыл на пиру.
И наутро с жестокой и дикой ордой
Я в чужие края полетел на разбой.
...Мы порою бездумно миримся со злом.
Время мстит беспощадно за это. Навек
Станет солнцу постылым такой человек.
*Пася олэн (манс.) — здравствуй.

Заснежье.
Сказки пишутся ветвями.
С ресниц по-детски ахнувших берез
Рассвет, как веером, смахнул лучами,
В чащобы совы тишину унес.
И паром закурчалась берлога,
И, тяжкую едва осилив лень,
Пригнул на лапе коготь лежебока,
Считая новый предвесенний день.

КРАЙ МОЙ СУРГУТСКИЙ

Каждый день
В ручье веселом
Солнышко полощется.
Долгожданным новоселом
Поселилось в рощице.

Озарило каждый стебель
Солнечною ласкою
И окрасило все небо
Синей, синей краскою!

Т. ЦАРЕНКО.

Фото Ю. Филатова.